

ПРОЗА РУССКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ XIX ВЕКА

СОФЬЯ
СМИРНОВА
ОГОНЕК

Гореть,
чтобы освещать
путь к мечте

Из жизни благородных девиц

Софья Смирнова

Огонек

«Азбука»

1871

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Смирнова С.

Огонек / С. Смирнова — «Азбука», 1871 — (Из жизни
благородных девиц)

ISBN 978-5-389-34419-8

Клавдинька Ракитина в свои восемнадцать лет четко знает, чего хочет от жизни. И нет, это не выйти замуж за красивого и богатого жениха, которого выбрали папаша с мамашей. Организация народных кухонь – вот чем занят пытливый юный ум Клавдии. Для этого она познает азы бухгалтерии и народного хозяйства, ищет дружбы с единомышленниками, что так не нравится ее родителям. Но Клавдинька полна решимости сбежать из дома в самостоятельную жизнь. Жизнь, в которой мечты не всегда исполняются.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34419-8

© Смирнова С., 1871
© Азбука, 1871

Содержание

Часть первая	7
I	7
II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Софья Смирнова
Огонек

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

ИЗ ЖИЗНИ
БЛАГОРОДНЫХ
ДЕВИЦ

СОФЬЯ
СМИРНОВА

ОГОНЕК

Fiction

Москва

Часть первая

I

Случается так, что сойдутся двое и спорят до тех пор, пока обоим захочется выцарапать друг другу глаза. Именно в таком положении находились двое джентльменов, о которых я поведу речь.

– Прежде всего надо быть современным, – кричал один из них.

– То есть?

– Без всяких «то есть». Я говорю: прежде всего надо быть современным, а отсюда следует, что мне нужно сто тысяч...

– Отсюда еще ровно ничего не следует...

– Постойте! Погодите! Мне нужно сто тысяч! Я пускаю их в оборот. Приобретаю другие сто тысяч. В сумме получается двести тысяч. Это ясно?

– Да позвольте...

– Позвольте, позвольте!

– Да на что вам эти двести тысяч?

– Как на что, помилуйте!

– Ну, да например. Что вы с ними делать будете?

– Двести тысяч – это штука хорошая. Это сила, понимаете ли – сила! Мне деньги нужны не для денег...

– Да что вы там рассказываете! И мужику целковый не потому нужен, что там на одной стороне вычеканен орел, а на другой пропечатано, что вот это, мол, рубль серебра. Его тоже не это пленяет...

– Нет, погодите, вы меня не поняли. Вы смотрите на деньги с материальной стороны...

– Я говорю: дайте мужику целковый...

– Нет, мы будем смотреть...

– Мужик точно так же.

– С точки зрения нравственной деньги как двигатель...

– Вот и мужик именно точно так же...

Читатель, пожалуй, вообразит, чего доброго, что тут и до драки уж недалеко. Чистейшее заблуждение. До каких бы неистовств ни доходили мои приятели на словах, личность всегда оставалась неприкосновенной. До сих пор не было примера, чтобы они чем-нибудь пустили друг в друга, хотя под руками были и книги, и фуражки, и даже пепельницы. Старший, Ипполит Аполлонович, сидел на окне, младший в исступлении ходил по комнате. У Ипполита Аполлоновича было одно из тех лиц, которые в глаза не бросаются и долго в памяти не остаются. Всякого гораздо более поражал его необыкновенно коротенький пиджак, чем его обыкновенная физиономия. Можно бы заметить, пожалуй, что глаза у него сильно навывкате, но их он тщательно скрывал под синими очками. Он с достоинством носил пестрые брюки, пестрые галстуки и свои сорок пять лет. Юный собеседник его был совсем в другом вкусе. С непривычки легко было испугаться его блуждающих взглядов и свирепого выражения. Но, взглядевшись пристальнее, оставалось только пожалеть, зачем этот человек портит таким выражением свою привлекательную, симпатичную наружность. Стоило только улыбке появиться на этом лице, и оно делалось неузнаваемо. Рот смеялся, нос смеялся, и, главное, смеялись глаза. Двадцать три года так и сказывались в каждом взгляде, в каждом движении. В минуту увлечения он не давал спуска ни стульям, ни столам. Сколько раз, услышавши грохот в комнате своего барина, неизменная его ключница, она же горничная, нянька и кухарка, Степанида, начинала

охать, стонать и призывать всех святых в свидетели своей каторжной жизни. Редко пропускала она случай примолвить при виде его взлохмаченной головы: «Ишь ты, прости господи, словно со Страшного суда бежал». Могла ли Степанида уважать своего барина, когда у него было такое нечеловеческое прозвище: Басанченко-Самойленко? Никто на свете не мог разуверить ее в том, что это фамилия не жидовская, а христианская. «В старые годы так, знать, идолов звали, вот и ему, идолу, кличку такую дали». Впрочем, господин Басанченко-Самойленко и сам любил подтрунить над своей идольской кличкой. Чтобы не затруднять близких знакомых, он в письмах подписывался Жоржинькой, да скоро так и прослыл Жоржинькой. Бог ведает, все ли знали, что настоящее имя – Георгий Семенович. Зато всем было известно, что у него есть тетушка, у которой он таскает потихоньку варенье. Много анекдотов ходило про эту тетушку: как ее жид обманул – вместо собольего воротника продал заячий; как у нее мыши полторы дюжины нитяных чулок съели; как она раз сослепу приняла корову за коляску, а его, Жоржиньку, за трубочиста, и т. п. Старуха в простоте сердечной и не подозревала, что племянник прославил ее чуть не по всей столице.

Разговор между тем продолжался, но уже в более мирном тоне.

– Я, брат, думаю в каком-нибудь акционерном обществе послужить, – говорил Жоржинька. – Что ты на это скажешь?

– Давай пробовать вместе. Я тоже свою службу думаю бросить.

– Можно и вместе. Только вот что я тебе скажу. У меня шансов больше, чем у тебя.

– Это каким образом?

Вместо ответа Жоржинька порылся в боковом кармане, вытащил оттуда бумагу и поднес ее к самому носу приятеля. Ипполит развернул, посмотрел и обратил на Жоржиньку изумленные взоры.

– Что это значит?

– Это значит, что я член «общества дешевого продовольствия», или, если хочешь, акционер.

– Да, и думаешь пустить эту акцию в оборот, чтобы нажить сто тысяч. Мудрено, но выгодно.

– Какое там, к черту, сто тысяч. Номинальная цена этой бумажки – сто рублей, а теперь самое большее за нее дадут два с полтиной. Я тебе советую приобрести точно такую же.

– Нет, брат, спасибо, я лучше себе новую фуражку куплю.

– Постой, постой, не горячись. Сделай так, как я тебе говорю: вынимай из кошелька 30 р. и покупай одну акцию, одну-единственную, и той за глаза довольно.

– Да ты никак с ума сошел! Дам я 30 р. за клочок бумажки, который не стоит двух с полтиной!

– Через месяц он и двух копеек не будет стоить. А все-таки послушай дружеского совета: купи акцию.

Ипполит начал сильно таращить глаза, Жоржинька наслаждался изумлением своего друга.

– Это, видишь ли, «общество дешевого продовольствия». Об его дешевизне ты можешь судить уж по тому, что за какие-нибудь триста-четыре рубля оно берется разорить тебя самым наилучшим образом, то есть просто, что называется, первый сорт. У кого есть лишние деньги – несите туда. Назад не вернут, не бойтесь.

– Постой. Как же ты попал в акционеры? Тоже, значит, влетел?

– Кто, я-то? Как бы не так. Я эту бумажку купил у одного любезного человека и заплатил сорок рублей. Если хочешь знать, у кого именно – изволь, у здешнего хозяина. – Жоржинька указал рукою по направлению к двери. – И цель у меня такая, чтобы чрез эту акцию попасть, так сказать, в самую директорию общества и разделить барыши пополам. А? Ты как на этот счет?

Ипполит промычал какое-то одобрение. Как только дело заходило о выгодной спекуляции, у приятелей начинался самый согласный дуэт. Жоржинька продолжал:

– По условию, прежде чем забраться в правление, надо побывать в оппозиции. Если я буду акционером, то имею полное право поднять гвалт в первом собрании. Я такую историю начну, что от меня ни крестом, ни пестом не отделаешься. Я директорам не дам покою ни днем ни ночью. Я все их старые грешки вытащу на Божий свет. Сейчас потребую отчетов. Пойдут сверки, проверки, учеты, балансы. Почему так, а не эдак? Почему эдак, а не так? А, вы не знаете! Очень хорошо, милостивый государь! Мы об этом поговорим в общем собрании. Да там и закатаешь какую-нибудь зажигательную речь. Разбудил акционеров – вот и пошла потасовка.

– Ну да, потасовка-то пошла, а тебе-то от этого какая польза?

– Мне-то? Да так себе. Директоры расчихают, что я за гусь, да и перетащут меня в свой лагерь. Барыши пополам.

– А если этого паче чаяния не случится?

– Не случится, так черт с ними. Пропадай мои сорок рублей. За то я им так насолю, что будут помнить Жоржиньку. Признаться сказать, я даже немножко желаю, чтобы этого не случилось. В оппозиции быть как-то приятнее. Тут жизнь кипит: партии составятся, кружки. Сначала станем говорить. Будет правая и левая. Одним словом – Англия.

Тут в дверь высунулась чья-то голова и спросила, не здесь ли барин.

– На что тебе барин?

– Да его тут какая-то барыня спрашивает.

Приятели переглянулись между собою.

Прежде всего читатель должен знать, что действие происходит на промежуточной станции одной очень почтенной железной дороги. Назовем эту станцию, положим, хоть Малиновкой. Прибавим, что она процветает, ибо тут считается несколько фабрик и заводов и отсюда же предполагают повести новую питательную линию на 60 верст в сторону. Кой-какие предварительные работы уже начаты, и заведует ими инженер-строитель, или, попросту, путеец Денис Васильевич Ракитин. В доме этого самого инженера и происходил разговор двух приятелей. Ипполит и Жоржинька являлись к нему всякий раз, как чувствовалась потребность почитать газеты. (Сами они их не выписывали отчасти по безалаберности, отчасти по недостатку средств.) Хозяин в этом случае, нисколько не стесняясь, продолжал заниматься у себя в кабинете, а гостей предоставлял на произвол судьбы.

Теперь мы можем возвратиться к посещению интересной незнакомки. Приятели еще раз переглянулись, и наконец один из них решился крикнуть:

– Денис Васильевич!

В ответ на это хозяин явился сам. Сурово посматривая на гостей и не выпуская из рук огромной газеты, которая закрывала его до половины, как простыня, он поинтересовался узнать, что им нужно. Это обращение было встречено как вещь очень обыкновенная. К странностям хозяина, должно быть, все уже привыкли.

– Ступайте, к вам барышня пришла.

Инженер взглянул еще суровее:

– Кто такое? Я здесь ни с какими барышнями не знаком.

– Не могу знать-с, – отрапортовал Жоржинька.

Ипполит, как любитель дамского общества, пробиравшись к двери, чтобы первому взглянуть на загадочную девицу. Но она так поразила его своим быстрым появлением, что он поспешил отретироваться.

– Не сердись, – заговорила молодая женщина, протягивая хозяину руку и не поднимая вуалетки. – Я слышу по голосу, что ты собирался меня выгнать.

Потом, заметивши посторонних, она сделала общий поклон и стала торопливо снимать перчатки. Ипполит рассмотрел хорошенькую ручку; Жоржинька впился глазами в лицо вошед-

шей. Молодая женщина, заметив его блуждающие взоры, сделала пол-оборот в его сторону и невольно улыбнулась. Потом продолжала, обращаясь уже к хозяину, который был заметно обрадован и удивлен:

– Ты меня не ждал, конечно. Я тебе ничего не писала, но это случилось так неожиданно, что даже для меня это сюрприз. Мы приехали сюда целой компанией, то есть я и Любочка с отцом. Я только недавно узнала, что ее дядя тут у вас на какой-то фабрике директором. Ах, какая же пыль, если б ты знал! Посмотри, пожалуйста, на что я похожа.

С этими словами она обернулась сначала к хозяину, потом посмотрела на гостей, как бы желая узнать и их мнения.

Гости опустили глаза, понимая, что продолжать далее бесцеремонный осмотр было бы невежливо.

– Моя сестра, господа. Здесьние жители, – кратко отрекомендовал хозяин и осведомился у сестры, не желает ли она чего-нибудь закусить.

– Давай, пожалуйста, я не откажусь.

Девушка откинула вуаль, прошла по комнате, сняла тальму и бросила ее на стул.

Во всех ее движениях заметна была нервная торопливость; она и говорила как-то отрывисто, хотя голос ее был приятный. Она была хороша собою. Смуглый, почти бронзовый цвет кожи придавал ее физиономии особенный, оригинальный оттенок. На щеках пробивалась легкая краска. Темные глаза с длинными ресницами при ярком освещении делались светлыми, почти прозрачными. Каштановые волосы с золотыми искорками были зачесаны назад и падали по плечам. По сложению ее можно было назвать скорее худощавою, чем полною женщиной, но даже и эта худоба очень шла к ней. Необыкновенно тонкая талия и вся изящная фигура сильно говорили в ее пользу. Туалет был прост: темное репсовое платье, на котором резко отделялась золотая цепочка; высокие кожаные ботинки. Никакой отделки, ни одного бантика или ленточки.

Взглянувши на сестру и потом на брата, вы бы нашли между ними мало родственного. Общего с нею у него был только смуглый цвет лица и такие же переменчивые загадочные глаза. Далее сходство прекращалось. Он был совсем некрасив. Суровое, отталкивающее выражение лежало на этой голове с грубыми чертами, толстыми губами и коротко обстриженными волосами. Если что красило его, так это опять-таки взгляд, в котором много было сестрино.

* * *

Давно уже приятели успели разойтись; давно убрали со стола поданную закуску. Хозяин и приезжая, которую, как оказалось, звали Клавдией, сидели в кабинете.

– Ну что? – спросила молодая девушка, когда брат ее, дочитавши какое-то письмо, положил его на стол. – Ты едешь?

– Не знаю, как позволят дела, – ответил он отрывисто и стал смотреть в сторону. Потом, как бы одумавшись, он встал с места и спросил беспокойным голосом: – Послушай, Клавдия, нет ли тут какой штуки? Не примиренье ли опять? Матушка давно об этом хлопочет. Если так... Ты им скажи, что я их всех к черту пошлю, если они будут вмешиваться в мои дела. Что они, в самом деле, воображают! Они, пожалуй, на уважение к родителям понадеются. Напрасно. Оно тут неуместно. Да и матушке давно пора бы узнать мой характер: я церемониться не люблю. Пусть меня лучше не трогают.

Вся тирада была высказана не переводя духу, так что сестра напрасно пыталась перебить ее. Наконец был услышан и ее голос:

– Да нет же, Денис, ты ошибаешься. Хотя мне никаких домашних секретов не поверяют, но на этот раз я наверное знаю, что о твоём приезде хлопочет папа, а совсем не мама. Будь

спокоен, ей теперь не до того. Ведь я тебе говорила, с какой целью тебя вызывают. Ты нужен по делу. По крайней мере, мне так кажется. Наверное, я опять-таки ничего не знаю.

– Ты наверное не знаешь, а я не желаю повторения прошлогодней комедии.

– Ах, Денис, какой ты скучный. Да пойми же ты, что я не знаю, на что именно ты нужен папа, какие у них там необыкновенные события, но могу чем угодно поручиться, что мама тут ни при чем. Есть ей когда заниматься этим? Она теперь собирается давать вечера; мало ли еще что. Могу тебя уверить, что это совсем не то, что ты думаешь.

Клавдия немножко сконфузилась. Она как будто боялась говорить ясно.

– Однако ж ехать так, на риск... Ведь я уж знаю себя. Если только заикнется одно слово – я не выдержу. Выйдет скандал, может быть, окончательный разрыв.

– Полно! Можно так или иначе предупредить мама. С первого же разу дать ей понять... Я берусь все это устроить. – Она с самоуверенностью взглянула на него и затем прибавила: – Покажи мне письмо. Никаких тайн нет?

Увидав со стороны брата знак согласия, она протянула руку и взяла со стола письмо. Несколько минут она молча вчитывалась, потом вдруг резко прочла: «Я имею многое сообщить тебе; приезжай поскорее; у нас не совсем ладно: дела принимают скверный оборот».

– Какие дела, Денис?

– Почему я знаю! – раздражительно заметил брат, видимо, думавший совсем о другом.

Девушка между тем продолжала читать вслух, вставляя свои собственные замечания.

– «Машина развинтилась; надобно поспешить опять собрать ее. Отчаиваться не следует, но помнить, что иногда один пропавший винтик может все испортить». Как я узнаю его! Даже и в письмах-то та же самая манера, тот же слог. «Врагов пропасть, каждый день открываются новые. Но уметь пользоваться обстоятельствами – великое дело: *il nous fait gagner une cause perdue*¹. Я никогда не теряю надежды. Но русская пословица гласит, что ум хорошо, а два лучше. А потому и т. д.». Вот особенное искусство говорить много и ничего не сказать. Это чисто какая-то дипломатическая нота. Он точно боится с родным сыном говорить откровенно. Можно подумать, что дело идет о политическом заговоре.

Она взглянула исподлобья на брата. Тот ее не слушал. Досада выразилась на ее лице; она сделала невольное движение, хотела что-то сказать, но потом раздумала и снова углубилась в чтение письма. Наступила полнейшая тишина. Наконец, брат заговорил первый. Он подошел к сестре и сказал ей мягче обыкновенного:

– Не сердись на меня, Клавдия, что я встретил тебя таким бирюком. Ты меня знаешь, я всегда такой.

Она подняла на него свой грустный взгляд:

– Я не за то сержусь, Денис, что ты нынче не в духе. Это со всяким случается. Но мне досадно, конечно, что и ты заодно с ними. Вы все сговорились обманывать меня, скрывать от меня все. Ведь я уж не пятилетний ребенок.

– Заодно с кем? Обманывать в чем? – Он смотрел на нее с непритворным удивлением.

– Полноте, разве я не вижу. – Она одним нервным движением отодвинула свое кресло.

Пусть не прогневается читатель, если я тут же открою ему, что мнимое негодование Клавдии было не совсем искренно. Но оно скорей вело к цели. Нужно было выпытать от брата все, что ему известно насчет некоторого предмета. Клавдия знала, как трудно добиться от него обстоятельного объяснения, и пустилась на чисто женскую хитрость. Она взводила на него небывалые обвинения. Этим заставляла оправдываться и невольно высказываться.

– Разве я не понимаю? – продолжала она, все более и более входя в роль. – Нетрудно догадаться, что это письмо написано к человеку, который знает, в чем дело. Как иначе объяснить все эти намеки, недомолвки? И уверять меня, что он будто бы ничего не подозревает.

¹ Оно заставляет нас побеждать. – Здесь и далее пер. с фр., если не указано иное.

Какая наивность! С какой стати мне будут писать о развинтившейся машине, о врагах, если я не имею понятия, что это за враги и какая это машина.

– Фу ты, черт! – Денис рассердился. – Да ты разве не знаешь своего папеньку? Ты не знаешь, что он способен не смигнувши написать полторы страницы такой ерунды, что шесть человек будут разбирать и не разберут. Тут вся штука в том, чтобы вышло непонятно! На то только и быют. Чего же мы тут будем о машинах толковать, когда он и сам, я думаю, не знал, зачем вклеил ее сюда? Может быть, ты видишь тут какой-нибудь намек. Сделай одолжение, растолкуй мне. Я, по крайней мере, головы ломать не стану.

Клавдия начинала успокаиваться. Брат слишком искренно сердился на ее подозрения.

– Зачем же он вызывает тебя в Москву? – продолжала она допытываться.

– Я этот вопрос давеча предлагал тебе, и ты даже сочла за нужное разубедить меня. Из твоих слов я понял, что ты лучше меня знаешь дело.

– Нет, я говорила, что ты не нужен мама, это верно. Но зачем же ты понадобился отцу – вот вопрос.

– Я от тебя получил письмо, при тебе распечатал его. Не было ли приписочки? Я ничего в карман не прятал.

– Ну, что ж из этого?

– Да то, что у кого есть здравый смысл в голове, тот поймет, что я мог прочесть только то, что написано – ни больше ни меньше. А так как ты сама все это прочла от доски до доски и даже, кажется, с большим вниманием, то думаю, что после этого смешно требовать от меня объяснений.

– Растолкуй мне, что значат эти слова: «во всяком случае Любарский поможет мне выпутаться из беды».

– Я синьора Любарского никогда не видал и не имею удовольствия знать. Тем не менее я не вижу в этих словах ничего загадочного и понимаю их именно так, как они сказаны. Советую и тебе сделать то же самое. Вероятно, это какой-нибудь знакомый. Может быть, прекраснейший человек, а может статься, и подлец. Наверное не ручаюсь.

«Он действительно ничего не знает», – мелькнуло в голове молодой девушки, и она прибавила вслух:

– Это адвокат.

– Радуюсь за вашего адвоката.

– Ты ничего больше о нем не слыхал?

– Ничего ровно.

Клавдия бросила на него странный взгляд. У ней опять явились сомнения.

– Странно, я была уверена, что ты его знаешь.

Брат даже не поинтересовался узнать о причине такой уверенности.

– Любарский знаком с нами месяца три, не больше, – продолжала Клавдия. – Папа от него в восторге. Мама тоже.

– Ну и ты тоже?

– Я? О нет! Я не люблю людей, которые пользуются всеобщим расположением. А он из таких. В свете его почитают и уважают. Маменьки мечтают выдать за него своих дочерей. У него впереди блестящая карьера; он метит в знаменитости. Он и теперь душа общества: очень приятно поет разные романсы, вовремя умеет сказать дерзость и вовремя услужить, ну и т. д. Если прибавить к этому, что он деловой человек с головы до ног, то согласишься, что это идеал, сокровище!

– И главное, обещает сделаться хорошим мужем.

– Ну, ну! – Клавдия зевнула и протянула на ковер свои хорошенькие ножки. – Как кому?

– Знаешь ли, когда женщина отзывается о мужчине так, как ты сейчас отозвалась о нем, – развязка недалеко.

– Будто бы?

– Да; ты под видом насмешки набросала очень лестный портрет. Если бы ты действительно хотела представить его в карикатуре, ты бы описала его не так. Ты бы сказала, например, что у него длинный нос, толстые губы или лысина на голове; что у него визгливый голос, что он без толку хохочет, не умеет держать себя в гостинной, что он наступает дамам на платье, не умеет сказать ничего остроумного. Да мало ли можно подметить смешных сторон. А то вдруг, видите ли, нашла какие недостатки: что он общий любимец, блесит в обществе, умел составить себе карьеру – одним словом, прослыл за молодого человека, подающего большие надежды. И кого вы хотите этим надуть – вы, барыни? Да вас хлебом не корми, давай вам только красная, шаркуна, разумеется, ловкого шаркуна, а не какого-нибудь парикмахера. Лоску требуется ровно настолько, чтобы пошлость уж не слишком проглядывала. Да, впрочем, что я говорю. Вы и парикмахером не побрезгуете: все-таки лишний поклонник.

Денис отчаянно махнул рукой. Сестра с сожалением поглядела на него.

– Старые раны еще не зажили, – проговорила она чуть слышно.

Но у брата был тонкий слух.

– Оставь их, Клавдия. К чему тут личности. Я говорю вообще. Это мое убеждение. Стало быть, уж выработалось такое, а как выработалось – до этого никому нет дела.

Он помолчал и потом прибавил:

– Женщин уважать нельзя. Всякий здравомыслящий человек кончит тем, что придет к этому убеждению.

– Полноте, господа. Все вы у нас в руках. Кто нас не уважает, тот нам поклоняется.

– Скорее упаду в ноги золотому тельцу, чем женщине.

– Да это само собою. Одно другому не мешает. У вас ведь середины нет. Вы либо в грязь нас топчете, либо на мраморный пьедестал ставите. Это скучно. Оттого-то меня и не пленяют ваши пламенные взоры. Я хорошо знаю им цену.

– Вот как! А завтра господин Любарский объяснится в любви, и завтра же Клавдия Васильевна будет воспевать блаженство вдвоем.

– Говорят, что этот адвокат влюблен в меня; кажется, меня даже прочтат ему в невесты, но... Тут много разных «но». Конечно, мне очень приятно понравиться всякому, только не ему.

– Весьма многозначительная фраза.

– Да, смейся, Денис, а мне совсем невесело. Господин Любарский играет у нас в доме какую-то странную роль.

– А например?

– Как бы тебе сказать. Да вот хоть бы это. Объясни мне, пожалуйста. На той неделе был у нас обед. Мама, разумеется, ищет популярности, папа говорит спичи. Все как следует. Все наши обычные посетители налицо, есть и новые лица. Недостает только господина Любарского, а он, надо тебе заметить, последнее время сделался у нас совершенно домашним человеком. Как-то не в порядке вещей, что его нет на званом обеде. Разумеется, спрашивают: а что же наш милейший Михайло Константинович, где он пропадает? Что его давно не видать? Вдруг папа принимает вид убийственной холодности и объявляет, что он его редко видит, а потому не имеет удовольствия знать, как он поживает. Мама – та просто и говорить не хочет о нем. Странно как-то это. Человек только накануне был у нас, играл с папашей в домино, с нами со всеми любезничал, и вдруг говорят, что его давно не видали. Но представь себе потом мое удивление. Как ты думаешь, где он был во время этого самого обеда?

– Почему я знаю?

– Он был у нас. Он просидел все время в конторе. От кого он скрывался, я не знаю. Думаю, что не от папа и не от мама, потому что им было известно его присутствие. Папаша

даже в продолжение вечера два раза заходил к нему. Спрашивается, от кого же он прятался? От гостей?

– Что за вздор!

– Однако это – факт.

– Случай, больше ничего. Он, верно, был занят, да, наконец, не хотел присутствовать на этом официальном обеде. Это со всяким бывает, что просто на лицо человеческое не хочется взглянуть. Чувствуется потребность быть одному.

– Хорошо. Зачем же было сочинять, будто его целые два месяца не видали и будто он у нас совсем не бывает? Тоже случай? Наконец, слушай, вот еще что: вчерашний день у нас опять был обед и опять повторилась старая история. Гости спрашивают: что же наш милый Михаил Константинович? Хозяева ничего знать не знают, ведать не ведают. Я встаю из-за стола, иду в свою комнату и в коридоре встречаю господина Любарского. Это тоже случай?

– Да, это странно:

Денис пожал плечами.

– У нас с некоторого времени в доме все странно.

После этого замечания разговор не клеился. И брат, и сестра задумались.

Поздно вечером, когда уже все непросвещенные обитатели Малиновки спали сном праведников, а местная аристократия шумно садилась за ужин, в окнах инженера светился огонь. Он и приезжая сидели за чаем, или, вернее сказать, сидел только он, а она беспрестанно вскакивала с места и вертелась то в одном, то в другом углу. Пришла вдруг фантазия приводить все в порядок и, главное, придать комнате вид уюта, которой так часто не достает в квартире одинокого человека. Есть люди, которые не могут смотреть равнодушно, если один уголок салфетки длиннее другого и стулья вытянуты не в струнку. Их раздражает не на месте брошенная книга или не симметрично поставленные подсвечники. Клавдию никак нельзя было отнести к этому разряду. Враг немецкой чистоты и аккуратности, она любила живописный беспорядок и иногда, в шутку, принималась уверять домашних, что в этом нет ровно ничего предосудительного. Брат с некоторым изумлением смотрел, как она передвигала экран, разбрасывала книги по столу, зажигала свечи, перенесла из другой комнаты букет цветов, смахнула пыль с этажерки и везде руководствовалась только своими личными, никому не понятными соображениями.

Денис задумчиво смотрел на сестру. Невеселые мысли вертелись у него в голове. Когда-то в этом самом доме хозяйничала другая женщина. И она тоже понижала комфорт по-своему: требовала малиновых драпри, бронзовых часов на камин, дорогого лохматого ковра под ноги. И она когда-то сидела тут за чайным столом, разливала чай своими хорошенькими, беленькими ручками, шутила, смеялась, умела оживить его, развеселить. Слышался ему шелест шелкового платья, виделась очаровательная фигурка и улыбка, против которой нельзя было устоять. Где теперь все это? Едва ли в эту минуту Денис видел свою сестру. Мрачный взгляд его остановился на одной точке; низко опустилась голова, а лицо оставалось в тени, загороженное от света рукою, облокотившеюся на стол. Девушка, заметивши его задумчивость, остановилась у стены при полном освещении, падавшем на ее смуглые, смелые черты. Поправляя рассыпавшиеся волосы, она украдкой смотрела на брата. Грусть и любопытство светились в ее глазах. Вышла живая картина.

Но не место поэзии в обыденной жизни. Эффект пропал еще скорей, чем появился. Он принялся за недопитый стакан, она спросила, нет ли у него шпильки, и оба улыбнулись. «Хороший признак, – подумала Клавдия. – Я его развеселю».

– Денис, – продолжала она, – нынче в вагоне двое каких-то господ разговаривали об инженере Ракитине. Ведь это об тебе. Другого такого Ракитина, да еще вдобавок инженера, я не знаю.

– Ну, что же про меня говорили?

– Во-первых, что ты миллионер! Ты этого до сих пор не знал? Ну так узнай. Во-вторых, что ты ограбил если не всю Россию, то уж всю здешнюю компанию, по крайней мере.

Денис сделал нетерпеливое движение.

– Послушай, ты, конечно, не рассердишься. Я так просто хохотала в душе, когда слушала это. Глядя на них, можно было подумать, что ты вчера только пришел и исповедался им во всех своих грехах. Надо видеть, с какой самоуверенностью все это рассказывалось. «Ракитин! О, да это известный...» Я не буду повторять выражения – оно очень уж энергично. «Он с Малиновского помещика взял 25 000 за то, что боковая ветвь пошла через его мнение. Тот ему в знак благодарности и дом свой уступил».

– Свины, – раздражительно заметил Денис.

– Полно, они не ведают, что творят. Уж если строитель дороги, так непременно подлец. Так принято. Нельзя же им сделать для тебя исключение. Что принято, то свято.

– Что эта дура Любочка, зачем сюда приехала?

– Дура! Как ты скоро судишь. Она совсем не глупая девочка.

– Не знаю, она мне напоминает грецкую губку. Напитается всякими убеждениями, потом возьми, пожми – фьють! – пусто.

– Крестовый поход против женщин?

– Да, и тебя, матушка, не исключая, извини. Будь ты гений, но уж достаточно прибавить: женщина, и я скажу, что у твоей гениальности недостает здравого смысла.

– Ах, Денис, не доверяй удара: ведь здравый-то смысл мне и нужен. Иначе мои планы никуда не годятся.

– А ты их еще не забыла?

Она вспыхнула и оживилась первый раз со времени своего приезда:

– Я не могу жить без цели. Если не будет этой, придется отыскивать другую. А ты знаешь, как скучно начинать сызнова, когда почти все уже готово.

– То есть что все? – подсмеивался брат.

– Во-первых, твоя помощь. Она мне необходима.

– Ну а во-вторых?

– А своя-то голова на что же?

– Ну а что, если я раздумал?

Тревога блеснула на минуту в ее глазах, но потом, взглянув на него, она успокоилась.

– Ты хороший человек, Денис, – ласкалась сестра, лукаво заглядывая ему в глаза. – Не мучай же меня. Скажи, что ты от своего слова никогда не откажешься.

– Клянусь! – воскликнул он, с комическим жестом поднимая свою руку к небу.

– Bravo! Я твою клятву принимаю серьезно.

– Я думал, ты заставишь меня перекреститься.

– Не надобно. Я и так довольна. Помни же: всякое содействие и поддержка – нравственная и материальная.

– Главное, материальная.

– Пожалуй, что и так. Впрочем, не знаю еще, которая из них важнее.

– Ну а что если у меня с родителями выйдет размолвка? Этого в условии не поставлено.

Она жалобно поглядела на него:

– Нет, Денис, пожалуйста!

– И ссориться нельзя? Как же быть, когда рассердят?

– Ты не взыскивай с мамы, она светская дама.

Он засмеялся:

– Это у тебя бранное слово? Ну хорошо. Налей-ка мне за это стакан чаю.

Она налила и передала ему стакан с сияющим видом.

– Это в награду за мою уступчивость? Спасибо!

Она нагнулась и поцеловала его в лоб. Это была вторая награда, уже не в счет абонемент! Потом разговор полился рекой. Она болтала с детским смехом о разных пустяках, рассказывала забавные анекдоты про своих знакомых. Сколько раз острое словцо без церемонии задевало какую-нибудь очень почтенную личность, даже не допускавшую возможности неуважительного отзыва о себе. Папа и мама должны были не раз икнуть, судя по тому, что передавала о них дочка. У некоторых барышень в этот вечер непременно разгорелись уши (верный признак, что вас кто-нибудь отщелкал за глаза), потому что Клавдия Васильевна страдала слабостью, свойственной почти всем остроумным людям: в припадке красноречия не щадить ближних. Это не были женские сплетни и пересуды – далеко нет, а часто очень меткие определения. Они казались злыми именно потому, что прямо попадали в цель. Верно подметить слабости человеческие и назвать их настоящим именем – совсем не то, что узнавать, например, кто во что одевался, да кто что ест, да кто кого осудил или обругал. По крайней мере, моя героиня была такого мнения и очень ловко подтрунивала над известными особами, не забывая и себя. В заключение она объявила, что очень счастлива.

– Знаешь, Денис, отчего мне быть несчастной? До сих пор мне почти все удается, что я задумала. Дома есть неприятности, конечно, и впереди еще будет не одна. Но это пустяки: нельзя же пугаться всякого столкновения. Без них что и за жизнь. Они все-таки красят ее. Как хочешь, а это борьба за существование. Теперь возьмем мы людей. Я вовсе не смотрю на них сквозь розовые очки, а все-таки хорошие люди есть – против этого ведь уж нельзя спорить; да, наконец, и те, которые и так себе, плохенькие, и те могут пригодиться. Надобно только уметь расшевелить их. Я не верю, чтоб в человеке могло когда-нибудь угаснуть уж все хорошее. Нет, в известные минуты каждый может быть героем. Точно так же, как и всякий герой бывает иногда трусом, посредственностью.

Глядя на ее восторженное, пылающее лицо, Денис подумал, как счастлив будет человек, который на ней женится. Он хорошо знал свою сестру: в ней было много юности, неподдельного увлечения жизненными вопросами и какого-то странного пренебрежения богатством, нарядами и светским обществом. Она и мечтала не так, как барышни. Там, где она создавала свои идеалы, те видели только кучу мусора. И наоборот: она не понимала, как можно без скуки мечтать о карете и ливрейных лакеях. Да, без сомнения, она составляла приятное исключение между женщинами. Все эти мысли, однако, Денис приберег для себя, а вслух сказал вот что:

– Вступать в жизнь с такими убеждениями – значит прямо разбить себе лоб о первую стену.

– Напрасно ты так думаешь. Я готова к борьбе и не боюсь ее.

Брат усмехнулся:

– Не мудрено, потому что вы от борьбы-то непременно ожидаете чего-нибудь величественного. А на самом деле это препрошлая штука. Начнется с того, что маменька не велит и папенька не приказывает. Стон, плач и рыдание, и в конце концов – смирение.

– Отчего же непременно смирение?

– А то что же?

– Если нельзя уладить мирно, можно разойтись с семейством.

– А если тебя вытребуют через полицию?

Клавдия пришла в негодование:

– Ты уж, стало быть, не хочешь признавать никакого родственного чувства. Ни один отец, ни одна мать не согласится погубить свою дочь. Они будут деспотами, будут отравлять ей каждую минуту, пока она дома, но уж раз увидят, что ничего не помогает, – они дадут ей свободу. Почему наши барышни в семье, как в тюрьме, не смеют говорить с кем вздумается, а уж тем более устраивать свою судьбу без позволения папаши с мамашей? Разве потому, что в самом деле нет выхода? Вздор. Просто оттого, что они тряпки. У них духу не хватает начать борьбу. А которые похрабрее, те, пожалуй, начнут, да сейчас же и струсят. А ну, как в самом деле

мамаша рассердится да перестанет мне шляпки покупать? А ну, как папаша возьмет да и не пустит в собрание? Нет, уж я лучше пойду ручку поцелую. Глупы были бы родители, если бы они этим дочкам дали волю. Я бы такую барышню стала на цепочке водить. Она не почувствует. Были бы десятирублевые ботинки на ногах да модная шляпа на голове.

– Хорошо, эти барышни – телятина, согласен. Ну а ты как думаешь: дать генеральное сражение и одержать блистательную победу?

– Я бы много дала, чтобы обойти домашние сражения. Гораздо лучше уладить все мирно. Ближе к цели. Но уж, конечно, если придется выбирать между безусловной покорностью...

Она не договорила и задумалась:

– А что, Денис, ведь мы с тобой не знаем, зачем ты им теперь понадобился.

– Верно что-нибудь вышло по делам правления. Ты не слыхала, когда назначено годовое собрание?

– Не знаю; кажется, скоро.

– Ну, вероятно, так. Вот что: тут есть один господин, которому все это известно лучше нашего. Он даже в некотором роде учредитель этого общества, то есть, по крайней мере, он подал первую мысль, привлек капиталистов, и потом, кажется, сам же первый и бросил. Но дело не в том: он все-таки следит за всем. Надо будет обратиться к нему. Это некто господин Домейко.

Клавдия удивилась:

– Как, он здесь? Я его знаю.

– Давно ли?

– Да уж с год, должно быть. Я его выдаю, впрочем, довольно редко у одной знакомой. Ты, вероятно, знаешь: у Лизаветы Ивановны?

– Ну, слыхал.

– Ведь я с ней знакома почти против воли мама. Всякий раз, как я к ней отправляюсь, – у нас сцена. *Fi donc*²! Жена какого-то учителя! Может ли для меня быть полезно ее общество! У нас ведь поставлено за правило: мешать полезное с приятным. Столько-то золотников полезного и столько-то приятного. Ну а я с аптекарским весом не справляюсь и хожу к этой женщине, потому что она мне нравится. Еще скажу тебе на ушко: это моя будущая помощница.

– Вот как! Такая же рьяная, как и ты?

– Да, я на нее имею большие надежды. Больше чем на Любочку.

– Как! И Любочка в заговоре?

– С отцом.

– Уж не слишком ли это роскошно?

– Мне ее отец-то главным образом и надобен. Вся черная работа на нем. Он станет хлопотать по присутственным местам, везде, где нужно.

– О, да вы не такие дуручки, как я думал.

Сестра присела за комплимент.

– Так смотри же, покажи мне Домейко, – просила Клавдия. – Я люблю с ним болтать.

– Не знаю, где его найти. Думаю, что всего легче у директора. Он у него бывает по вечерам.

– У Любочкинова дяди?

– Да. Если хочешь, пойдем туда завтра. Кстати, увидишь там всех здешних аристократов.

Сестра согласилась. Так на том порешили и разошлись.

На другом конце дома была небольшая комнатка с разными затеями в виде фарфоровых ваз, дорогих подсвечников, крашенных ковриков, трюмо в изящной резной раме. Везде были следы женского присутствия. Кому мог принадлежать этот туалет, обтянутый белой кисеей

² Фу! Позор!

и розовым атласом, как не женщине? Несколько флаконов с духами, пудра, всевозможные щеточки и гребеночки свидетельствовали, что тут не раз распоряжалась дамская ручка. На рабочем столике стоял черепаховый несессер и серебряная корзиночка с письмами; на окне стеклянный кувшин с давно уже засохшими цветами. Точно хозяйка только что сейчас вышла из комнаты. Даже раскрытый альбом на этажерке так и остался раскрытым. Видно было, что все эти вещи береглись как святыня.

Клавдия остановилась и задумчиво смотрела на них. Знала ли она, что над этими вазами и корзиночками плакал человек, которого она считала стойким, образцом твердости? Да, бывали дни, когда брат ее рыдал тут, как ребенок, когда он, забывая всякое достоинство, целовал занавески на окнах и подушки на постели. Если бы она могла только знать, какие унижительные сцены разыгрывал здесь этот, по ее мнению, сильный характером человек! Нет, она и не подозревала, что чувствовал иногда тот самый Денис, которого она видала взбешенным, суровым, равнодушным, но никогда слабым или бесхарактерным. Она слепо верила в его могучую силу, честность и трудолюбие.

Брат был немножко ее идеалом. Враг всяких формальностей и приличий, он жил спартанцем. Имел, правда, много странностей, но они делали его как-то еще загадочнее и еще интереснее. Понятия о справедливости доходили у него до утрировки. Он боялся поступить так или иначе, не потому что это могло иметь дурные последствия (последствия могли явиться какие угодно, это его не смущало), а потому, чтобы как-нибудь не оскорбить справедливость, хоть бы даже издалека, в десятом колене. От размышлений насчет справедливости он быстро перешел к разным отвлеченным умствованиям и, наконец, ударился в философию, да так, что не на шутку грозил проглотить всю ее премудрость. Клавдия и это прощала брату, хотя была с философией в самых скверных отношениях. Денис еще с детства был ее единственным другом и поверенным всех ее тайн. Тринадцатилетняя девочка, она посвящала ему свои стихотворения, в 15 лет она читала книги по его выбору, просила объяснений, спорила и все-таки, кроме его, не хотела признавать ни одного авторитета. Потом отношения их стали серьезнее. Он привыкал смотреть на нее как на ровную. Слушая ее остроумные, хотя подчас весьма шаткие доводы, он сам делался остроумным. Он защищал ее от нападения родителей, он отстаивал ее права в семействе. Как же ей было не привязаться к этому человеку? Он усыпал ее жизненный путь хоть и не розами, но песочком – и то хорошо. Скверно только, что тут вмешалась другая женщина. Дружба висела на волоске. Еще немного, и она бы оборвалась. К счастью, этого-то «немногого» и не случилось. Та, «другая, пролетела как метеор» и оставила по себе одни более или менее грустные воспоминания. Денис остался прежним Денисом, впрочем, с некоторою долею ненависти к прекрасному полу. На словах он, случалось, и сестре давал почувствовать что-то вроде презрения, но на деле был все тот же друг и помощник. Теперь на его помощи она основывала все свои лучшие надежды.

II

В доме директора собирались только аристократы, плебеи туда не допускались. То есть аристократы с Малиновской точки зрения. Графов, князей, министров, крупной руки банкиров вы бы не отыскиали тут при всем усердии. Денежные и родовые привилегии оставались в стороне. Здесь собирались все люди на деловой подкладке, люди-практики. Один весь век провозился с фабричными и машинами, другой бессменно дежурил на железной дороге, третий ничего не читал, кроме разных смет и раскладок, четвертый скакал как угорелый по лесам, пятый весь ушел в интересы торгового мира. В свободное время сражались за карточным столом, сочиняли замысловатые обеды, длинные ужины или завтраки, а под конец вместо десерта подавались умные разговоры о труде и капитале. Газеты читались очень усердно, особенно запрещенные номера. Только пронесется слух, что прекращена розничная продажа той или другой газеты, сейчас же несколько экземпляров появляются в Малиновке, и пойдет ходить по рукам запретный плод. Даже дамы, случается, уткнут в ведомости свои миленькие носики и очень обижаются, когда не находят в статье ничего пикантного. Изредка кто-нибудь дерзнет одолеть целую книгу и вдруг ни с того ни с сего провозгласит, что я, мол, вот читал Васильчикова о самоуправлении или Кошелева – «Голос из земства». Потолкуют, подивятся, кстати, кого-нибудь выругают да и сыграют десять в червях. Конечно, были и тут люди азартные, читавшие не только Васильчикова, но и Бокля. Да ведь кто же не знает, что нет правила без исключения. Я вовсе не имею претензии подвести под одну мерку весь кружок: есть частности, которые нарушают гармонию целого, зато в общем фотография верна. И главное, никому не обидна. Кто из нас, читатель, не любит поиграть, позлословить, хорошенько пообедать? Всякий, я думаю; а на людях, говорят, и смерть красна. Что у одного человека называется слабостью, у всех вместе составляет не более как обычай. Если у меня рожа крива, то это грустно и главное – безобразно. Но если рожа крива у всех, то беда невелика: все соглашается в один голос, что истинная красота в том и состоит, чтобы иметь нос, свороченный на сторону. Мир оказывается наполнен красавцами, и никто не в обиде. Пока я описываю малиновское общество вообще, малиновские аристократы только посмеиваются. Но что, если описать каждого отдельно? Попробуйте-ка расскажите, как одна дама утверждает, что ей 32 года, тогда как она родилась в 25 году, стало быть... и т. д. Как одна девица выучила четыре романса и без усталости распевает их уж другой год. Как один господин терпеть не может домашних ссор и средним числом семь раз в неделю ругается с женой. Как одна барыня ненавидит сплетни, но зато весьма равнодушна к сплетникам и очень приятно делит с ними время. Как один джентльмен любил выдавать чужие остроты за свои собственные и свои промахи за чужие. Расскажите все это, и вы увидите, какие будут последствия.

Любочкин дядя был, что называется, милый человек. Любил жить открыто, находился под башмаком у жены, дома ходил в парусинном пальто и не снимал его даже для гостей. На лице никаких особенных примет не имел, а по характеру за ним знали две странности. Во-первых, он очень уважал греческий язык (может быть, именно потому, что не имел о нем ни малейшего понятия), и, во-вторых, за картами он всегда сердился, даже когда выигрывал. Близкие родственники никогда не садились играть с ним, потому что это значило наверное проглотить дурака, осла или болвана. Хозяйка дома тоже до крайности гостеприимна. Но у нее странная манера выражать свое радушие. Она почему-то уверена, что гости ее тогда только будут счастливы, когда она всех их усадит полукругом в гостиной и заведет общий разговор. Гости были, по-видимому, другого мнения. Догадываясь об ее злом намерении, они всячески старались разбежаться по разным углам и даже, если можно, по разным комнатам. Под конец вечера оказывалось всегда, что усилия их увенчались успехом. Хозяйка с отчаянием смотрела, как пустеют около нее кресла, и, как утопающий хватается за соломинку, так она

хваталась за какую-нибудь несчастную жертву и не выпускала ее до тех пор, пока не переговорит обо всех материях важных и неважных. Жертва молчала, изредка вставляла свое словечко и с тоской ожидала, когда же это доложат, что чай готов или ужинать подано.

Ради приезда брата и племянницы у директора устроился маленький вечер. Часов около семи дисциплина еще не нарушалась. Гости сидели полукругом в гостиной и пытались поддерживать разговор. Хозяйка неслась на всех парах: рассказывала про зубную боль, про боль под ложечкой, про покойника отца, про покойницу матушку и грозила пуститься в толки о сновидениях, когда произнесли роковую фразу: чай готов. Все вздохнули свободно, а всех свободнее сама героиня празднества – Любочка. Ей нужно было собрать все свое родственное уважение, чтобы выдержать пытку до конца и не попросить тетку замолчать. Зато уж только что та переступила за порог, как эта затрещала. Но разница была большая. Во-первых, она не держала гостей за шиворот и не только не мешала, но даже поощряла их желание устроиться как-нибудь поуютнее. Во-вторых, она была молода и, стало быть, для некоторых очень привлекательна. Необыкновенная свежесть – это единственный комплимент, который ей можно было сделать, но и этим она уже очень много выигрывала. Шиньон, взлетевший на самую макушку, и высокие каблуки делали ее гораздо выше, чем она была на самом деле. Ее небольшие глазки с красными жилками беспрестанно шурились и закрывались. Она каждую минуту как будто ожидала чего-то очень приятного. Безукоризненный туалет ее бросался в глаза именно безукоризненностью. Кружева, бархатки, медальон – все это было так на своем месте, что, казалось, сдвинуть еще на полвершок – и гармония пропадет. Кто бы подумал, глядя на этот туалет, что Любочка была барышня очень либеральная, что она любила говорить о свободе труда, о свободе женщин, о свободе совести – одним словом, о свободе поголовной. Не говоря уже о том, что она бывала во всевозможных клубах и театрах (там бывают все), она ездила на земские собрания и в окружной суд. Она являлась всюду, куда только женщине можно было показывать нос: на лекции, на женские курсы, на заседания разных обществ и, как девица не совсем еще развращенная, всюду таскала за собой отца. Папенька этот сильно грешил против второй заповеди, потому что сотворил себе из дочки кумира и только что не клал ему земных поклонов. Такой же добродушный, как и брат, и он тоже всю жизнь был обречен испытывать прелесть женской туфельки. В юности он боготворил всех женщин вообще, потом перенес обожание на жену и, наконец, на дочь. Покойница, вероятно, с того света радовалась, глядя, как родное детище пошло по ее стопам. Только что бразды правления выпали из рук матушки, как дочка подхватила их и не дала даже старику почувствовать всей прелести свободы. Одна только льгота была дана ему – это позволение трунить над затеями дочки, смеяться над ними сколько душе угодно, но никак не противоречить... Старик и пользовался этим правом без зазрения совести. Таскаясь за дочкою по земским собраниям и окружным судам, он трунил и над собой, и над нею, и над ближними елико возможно. Наедине Любочка даже не находила нужным вступать с ним в состязание, но при посторонних любила щегольнуть красноречием и пускалась в спор. Целый фейерверк модных слов сыпался на голову отца, а тот продолжал себе подтрунивать как ни в чем не бывало.

На этот раз старика не оказалось в гостиной. Он ушел в чайную и там около самовара, в самом покойном кресле и в своем неизменном тулупчике на собачьем меху, дремал в ожидании карт. А дочка его в это время была счастлива. Она ходила с Жоржинькой по зале и вела с ним интимный разговор. Дружба их быстро подвигалась вперед, особенно если принять во внимание, что первое знакомство было сделано только накануне. Жоржинька уже входил во вкус и принимал по временам свирепое выражение. Это значило, что он увлекался. Вспомнив, впрочем, что разговаривает с девицей, спешил состряпать улыбку.

– К несчастью, мы не понимаем, – ораторствовала Любочка, – что нам нужно единодушие, как можно больше единодушия. Вы согласитесь, что же может сделать одна какая-нибудь

единица среди общества, которое ей не сочувствует? Например, если бы я выдумала сделаться чиновником, стали бы вы мне сочувствовать?

Жоржинька соображал, что, в самом деле, надо ли ей сочувствовать или нет, и старался представить себе Любочку в мундире. Но та уже летела дальше, не дожидаясь ответа:

– Впрочем, нет! Чиновник, администратор – это уже отжившие понятия. Может быть, они необходимы, я не знаю, но, во всяком случае, они уж свою прелесть потеряли. Возьмем что-нибудь более живое. Доктор, например. Вы, надеюсь, ничего не имеете против того, чтобы женщина была доктором?

Вопрос был сделан таким тоном, дескать, «посмей только отказаться». Жоржинька понял и объявил, что он ровно ничего не имеет против этого.

– Ну хорошо, вы – положим! Вы человек развитой. Но, боже мой, сколько же у нас людей, которые знать ничего не хотят. Пусть остается женщина по-прежнему стряпухой, нянькой, пожалуй, кокеткой, но, чтобы у нее явились какие-нибудь человеческие стремления – боже сохрани! Вы скажете мне, что все это избитые места. Но что ж делать? Есть вещи, которые имеют для нас всегда прелесть новизны.

Жоржинька рассматривал ее фигуру и думал, как бы возобновить поскорее давивший разговор о чувствах. (Утром они только было пустились в психологические тонкости, но завтрак помешал.)

– Женщина, – храбро начал Жоржинька, – по-моему, в известных отношениях выше мужчины, а в известных отношениях ниже.

«Сейчас сведу речь на кротость, самоотвержение, а там уж и до нежных чувств недалеко», – думал он, но не тут-то было.

Любочка мастерски работала языком:

– Это каким образом? Разве естественные науки не доказали нам двадцать раз, что между устройством женского и мужского мозга разницы никакой не найдено?

«Ну уж это ты, сударыня, врешь», – подумал Жоржинька, а вслух прибавил:

– Это, конечно, так. По уму никто не ставит женщину ниже. Но все же есть некоторые оттенки. Есть свойства, которые принадлежат только женщине. Ее делают гораздо привлекательнее мягкость и уступчивость, чем суровая, неуклюжая воля.

Тут он истощил весь свой запас приличных и красивых слов в полной уверенности, что попал, наконец, на свой конек. Но Любочка помчалась совсем в другую сторону. Она заговорила о непреклонной воле, о твердом характере и о том, что ничто, по ее мнению, так женщину не украшает, как именно эти качества.

Скоро явилась и Клавдия с братом. Приятельница приняла ее с распростертыми объятиями и повела представлять родственникам. Потом, по обыкновению, увлекла ее в сторону и пошли рекомендации.

– Вот это, моя милая, чучело порядочный. Ничего не читает, кроме «Московских ведомостей». Это тетушкина наперсница. Кумушка с толкучего рынка: шляпки, салоны, бурнусы, мантильи! Это вот очень наивный юноша, который, кроме басен Крылова, ничего, я думаю, не сумеет рассказать. Это вот господин ничего себе, только любит красивые фразы и немножко консерватор – указание на Жоржиньку.

Клавдия улыбнулась.

– Ты не веришь? Даю тебе слово, что это так. Вот поговори сама, и ты увидишь. Уж кто насмешливо, скептически относится к женскому вопросу, тот всегда кончает тем, что делается деспотом в своем семействе. Эти господа видны по полету.

– Какое же семейство, помилуй. Мне брат говорил про него. Это просто повеса.

– Все равно. Я говорю не про настоящее. Теперь ему двадцать два-двадцать три года, а в сорок лет он будет отчаянным консерватором. Он будет сечь своих детей и пошлет жену на кухню.

– Ты, однако, хорошо ворожишь. Я бы на твоём месте не скрывала своих талантов.

– Конечно. Неужели ты думаешь, что я побоюсь сказать ему это в глаза? Скажу, непременно скажу.

– Только, пожалуйста, не теперь. Он с таким наслаждением пьёт чай. Ты ему помешаешь.

– Здесь есть ещё, – тут Любочка понизила тон, – один литератор, очень умный человек; он писал экономические статьи; прелесть, что за статьи! – Любочка их никогда не читала. – Он, знаешь, такой оригинал, но дядя говорит, что его все очень уважают. Ведь это редкость. Человек держит себя не так, как принято, говорит иногда просто дерзко, и ему все прощают. Впрочем, я это понимаю. В нём есть что-то привлекательное. Знаешь, мне нравятся его глаза, то есть ты понимаешь, я не в том смысле... а так просто... Не то чтобы он заинтересовал меня, как обыкновенно барышни интересуются. Нет! Я люблю все оригинальное, все, что из ряда вон.

Личностью, так сильно заинтересовавшей Любочку своей оригинальностью, был не кто иной, как Арсений Филиппович Домейко, тот самый Домейко, о котором Денис говорил своей сестре. Имелось в виду, что он как писатель потребует со временем своей биографии – вот общество и похлопотало составить ему эту биографию ещё при жизни. Ходили слухи, что он был замешан в неких политических смутах, что он сидел в крепости и только чудом спасся от Сибири, что характер у него невыносимый, почему даже и родная мать не живет с ним, а нищенствует где-то одна. Но все это были пока гадательные предположения, придававшие этой личности некоторую таинственность. Верно только то, что Домейко был действительно человек очень раздражительный и болезненный. Мозг сильно страдал от избытка умственного напряжения, и доктора не раз предсказывали ему скорую смерть. Но природа любит иногда подшутить над учеными. Молодость брала свое: организм выдерживал сильнейшие потрясения, а смерть не являлась. Арсений Филиппович и сам как будто издевался над своим здоровьем. Он просиживал за работой целые ночи напролет, что ему, конечно, даром не обходилось, схватывал одну простуду за другой и уверял как ни в чем не бывало, что он докторских предписаний не исполнял и исполнять не намерен. Медики так и рукой махнули на этого человека: пусть, дескать, делает как знает, а мы в стороне. Да и прочее общество, кажется, глядело на него такими же глазами. Ради болезни ему прощались многие выходки. В уме его никто не сомневался, но близко сойтись с ним не было никакой возможности. Поклонников у него было много, друзей – никогда. Он всякого оттолкнул бы своей раздражительностью и нетерпимостью. Беспощадный к самому себе, он не щадил и других. Несомненный талант, блестящий слог, умение изложить популярно самый сухой предмет поражали в его статьях. Издали это была звезда первой величины, вблизи – нервный человек, опасный для всякого силою своей ядовитой насмешки. Люди, которым он был нужен, обращались с ним осторожно, как с огнестрельным оружием: неравно выстрелит в непоказанное время.

При всех вероятных и невероятных слухах, ходивших о Домейко, редко решались коснуться его несомненной честности. В этом случае репутация его была чиста. Он жил бедно и, вращаясь в лучшем кругу, никогда не делал ни малейшей попытки окружить себя, не говоря, роскошью, но просто комфортом. Жизнь он вел необыкновенно деятельную. Как член всевозможных обществ и комиссий, он изъездил всю Россию вдоль и поперек. Вот эти-то поездки, в соединении с усиленной умственной работой, и расстроили его здоровье. Поговаривают, что тут немалую роль играли и умственные потрясения, но об этом история молчит. Странно было бы предположить в нем политического преступника: едва ли у нас политические преступники так свободно разгуливают по всем губерниям. Гораздо легче объяснить его болезнь, если вспомнить, что это человек, который знать не хочет о существовании холодного климата, мокрой погоды, простудной лихорадки, ревматизма, болезней головного мозга и тому подобных «прелестей». Осенью провалиться по колено в болото казалось для него так же естественно, как пройти по паркету. Спуститься в лихорадке в каменноугольную шахту, провести несколько дней с рабочими в скверном помещении, на скверной пище и потом на несколько недель слечь

в постель – ровно ничего не значило. Доходить до помешательства над разрешением какого-нибудь вопроса, работать до тех пор, пока мысли начинают путаться в голове и мерещится всякий вздор, – все это было нипочем Арсению Филипповичу. Женского общества он не любил. Случалось, что барыни вертелись около него до тех пор, пока не обжигали крылышек и не улетали обратно в свои лощеные гостиные рассказывать с негодованием или сожалением о какой-нибудь странной выходке чудака. Им не нравилась его обидно-холодная вежливость, его видимое равнодушие, даже более чем равнодушие – просто пренебрежение. Как писатель, он ставил женщин на одну доску с мужчиной; как человек, он относился к ним свысока. Мог ли он после этого надеяться на дамское расположение? Разумеется, нет. В особенности если прибавить, что и наружность его была не из тех, которые нравятся женщинам. Очень немногие оценили оригинальную красоту этого умного лица. Остальные находили в нем много резкого, надменного и ничего красивого. Не спасли его в этом случае и темные огненные глаза. Они могут быть хороши в минуту страсти, но никто их в такую минуту не видал. Они могут быть опасны для той, на которую обратятся с любовью, но скажите ради бога, какое же дело до этого остальным? Право, в этих холодных, желчных взглядах нет ровно ничего привлекательного.

В ту минуту, когда Любочка рассказывала своей подруге об интересном литераторе, сам он сидел в кабинете хозяина. Облокотившись на стол и запустивши руку в свои светлые курчавые волосы, он читал газету. Надобно заметить, что ему прощались и не такие вольности. Малиновский директор глядел на него с некоторым благоговением. Литераторы в Малиновке были редкостью. И Домейко-то попал сюда невзначай, по делу, на какие-нибудь две недели, не больше. Каждый гость считал священной обязанностью сказать ему несколько слов, и непременно умных слов. Он отвечал кратко, но выразительно, и обе стороны оставались довольны. Каждый мог заснуть с спокойной совестью, что «вот, мол, и я тоже с сочинителем разговаривал», а пока все пристраивались к зеленому столу.

Денис подсел к Арсению Филипповичу. Тот отложил газету и очень лениво отвечал на обычное вступление о погоде и о железной дороге (для Малиновки это все были *questions du jour*³). Денис, впрочем, сам не любил переливать из пустого в порожнее и не прочь был начать прямо с конца.

– Скажите, пожалуйста, Арсений Филиппович, как дела вашего общества?

Домейко прищурился и почесал себе нос:

– Вы говорите, если я не ошибаюсь, об Обществе дешевого продовольствия. Его принято почему-то называть моим обществом.

– Мне кажется, это очень понятно. Вы его учредитель.

– А вы член?

– К вашим услугам.

– В таком случае нам трудно будет понять друг друга.

– Почему же?

– Очень просто. Насколько я мог заметить, из теперешних акционеров ни один не понимает, как и с какой целью возникло это общество. Ваша цель – получить как можно больше дивиденда, наша цель была – давать его как можно меньше. Я говорю: была, потому что в настоящую минуту я не имею решительно ничего общего ни с правлением, ни с директорами, ни с акционерами: они сами по себе, а я сам по себе.

– Это странно, однако ж. Чтобы учредитель так мало интересовался...

– Позвольте! Кто вам сказал, что я учредитель? Называться учредителем мошеннической шайки очень нелестно. Не знаю, право, чем я заслужил...

Денис продолжал идти напролом:

³ Вопросы дня.

– Тут уж мне следует прийти в негодование от вашего отзыва о нашем многоуважаемом обществе. Но я ничего этого не сделаю. Забудьте, что я член, что я акционер. Представьте себе, что с вами говорит совершенно посторонний человек, которому было бы желательно узнать всю правду... ну, просто так, из любви к правде.

– А вы все-таки предполагаете, что именно я могу просветить вас по этой части?

– Да-с, я все-таки остаюсь при том убеждении, что учредитель именно вы.

Домейко засмеялся:

– Что же у меня сиянье, что ли, около головы? Кто ни увидит, всякий показывает пальцем: вот это, дескать, господин учредитель. Впрочем, мне нравится ваша откровенность. Надо уж и мне сделать вам какое-нибудь удовольствие.

– Я прошу только одного: скажите, как идут теперь дела вашего общества?

– А! да! моего общества? В таком случае извольте. Они идут очень скверно, из рук вон скверно. Виноваты в этом все, начиная с акционеров, которые сидят в собраниях болванами... Вы, кажется, требовали откровенности?

– Ничего, ничего, продолжайте.

– И кончая директорами, которые... но тут уж надобно употребить очень энергическое выражение. Я удержусь.

– Мошенничества! Я так и думал. Кто же у вас там больше всех накуролесил? Говорите прямо, не стесняйтесь.

– Как вам сказать? Я, право, не знаю, кому отдать пальму первенства. Да позвольте. В числе директоров состоит, кажется, ваш родственник господин Ракитин?

– Это мой отец.

– Ваш батюшка? С моей стороны было бы более чем нескромно продолжать далее свой отчет.

– Родственные чувства тут останутся в стороне. Иначе я и не поднимал бы этого щекотливого вопроса.

– В сущности, мне ведь остается очень немного. В кассе, по моим соображениям, недостает теперь пустяков – тысяч триста или четыреста. Может быть, даже с копейками, наверное не знаю. Все это разрешит общее собрание, имеющее быть, если не ошибаюсь, в октябре нынешнего года. Думаю я еще, что акционерам подадут отчеты, которых они по врожденной любезности читать не станут, а попросят директоров спрятать обратно в карман. За такое доверие директора подарят, разумеется, благодарственную речь и обед со спичками. А потом Божиею милостью останутся на прежней должности. А что будет потом, годика через два, я как обыкновенный смертный предвидеть не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.